

— Ты... правда занимался убийствами? — тихо спросил Сун Сяобэй. Конечно, не от страха.

— Разве я тебе раньше не говорил? — Гэ Цзюньдун не воспринял этот вопрос как попытку его напугать и продолжал осторожно перематывать бинт. — Я не хороший человек.

— Ты убивал только плохих людей? — Неважно, хороший он или плохой. Сун Сяобэй хотел знать, способен ли Гэ Цзюньдун убить кого угодно.

— Этого я не знаю. — Решать, кого убивать, было не в его власти.

— О... — Значит, он действительно был таким бесчувственным.

— Ты боишься? — Это был результат, которого хотел добиться Гэ Цзюньдун: чтобы тот испугался, стал сторониться и в конце концов ушёл.

Сун Сяобэй давно не чувствовал такой близости со стороны Гэ Цзюньдуна. На этот раз тот не только сам приблизился к нему, но и проявил заботу о его ране. Разве мог он бояться? Сун Сяобэй мягко покачал головой.

— В моих глазах ты хороший человек.

— Правда? — Гэ Цзюньдун усмехнулся. — Не боишься, что однажды я убью тебя и выброшу в море?

— Не боюсь. — Сун Сяобэй отнёсся к этому философски. — Все люди смертны. Умереть от твоей руки... я согласен.

Он опустил голову, не смея поднять взгляд от смущения.

Гэ Цзюньдун не заметил его странности, полностью сосредоточившись на том, как снимает с раны пропитанную лекарственным порошком марлевою салфетку.

— Рана не большая, но лекарство нанесено неравномерно, да и следы запёкшейся крови ты не до конца убрал.

Гэ Цзюньдун вздохнул.

— Рана так расположена, как ты сам с ней справлялся? Тебе нужно было остаться в больнице, пока не образуется корочка. Ты вернулся, сам не можешь как следует наложить лекарство, рана плохо обработана — начнётся воспаление, появится гной. Тогда уже не лекарство понадобится, а срезать кожу и мёртвую плоть.

Сун Сяобэй слушал его страшные слова, но сам не испытывал страха. Он смотрел, как нежные пальцы Гэ Цзюньдуна взяли с прикроватной тумбочки ватную палочку, одну смочили, другую оставили сухой, поднесли к ране на спине и начали медленно протирать. Мокрая палочка удаляла засохшие следы крови, сухая — впитывала свежую кровь на пояснице.

Очистив рану, Гэ Цзюньдун взял со стола флакон с порошком, открыл его, вытащил ещё одну ватную палочку, обмакнул в порошок и осторожно нанёс лекарство на рану Сун Сяобэя, равномерно распределив его. Затем он взял только что снятую марлевою салфетку, медленно приложил её к ране Сун Сяобэя и закрепил пластырем по четырём углам.

— Если бы кто-то помогал тебе ухаживать за раной, было бы намного лучше.

Он убрал руки, проверил — салфетка на ране не отклеилась.

— М-м.

Он такой внимательный. Сун Сяобэй не переставал им восхищаться.

Гэ Цзюньдун натянул бинт, пальцы, держащие его конец, слегка надавили на кожу Сун Сяобэя.

— Если я затяну слишком туго, скажи.

— М-м.

Услышав его согласие, Гэ Цзюньдун обеими руками взял бинт и начал обматывать его вокруг талии Сун Сяобэя.

Чувство близости, когда Гэ Цзюньдун то приближался, то отдалялся, слегка опьяняло Сун Сяобэя.

— Цзюньдун.

— М-м? — Гэ Цзюньдун замедлил движения, решив, что причинил ему боль, и ослабил бинт.

— Спасибо тебе.

— За что? Обычно это ты заботишься обо мне. — Гэ Цзюньдун мягко улыбнулся. — Это я должен благодарить тебя, по правде говоря.

Сун Сяобэй сжал губы, не отвечая, и всё смотрел на его серьёзное лицо.

— Сейчас мир сложный, опасный. Если задержишься на работе допоздна, а такси не будет, позвони мне. Если я буду занят, переночуй прямо в магазине. Главное — не возвращайся один.

— Гэ Цзюньдун не хотел, чтобы с ним снова случилось что-то подобное. В конце концов, они были почти родственниками, да и этот брат был добрым и хорошим человеком.

Сун Сяобэй, кажется, был слишком тронут. На мгновение забыв о самоконтроле, он обнял Гэ Цзюньдуна.

— Цзюньдун.

В глазах Сун Сяобэя эта забота была подобна любовным чувствам между влюблёнными.

— Ой-ой! Я же ещё не закончил перевязку! — Гэ Цзюньдун выдохнул и слегка надавил пальцами на бинт, обматывающий его талию. — Хорошо, что не размотался, а то пришлось бы начинать сначала.

Ему не было неприятно, что его обнимают, но сейчас это было совершенно неуместно.

— Вот точно, в следующий раз, когда я буду тебе перевязывать, пожалуйста, не дёргайся, ладно?

— М-м.

Сун Сяобэй хорошо ему ответил, но руки его продолжали крепко обнимать шею Гэ Цзюньдуна.

— Ой-ой... Если тебе больно, так и скажи, не души же меня. Я же из плоти и крови, не кукла, задохнусь могу...

Неизвестно, слышал ли он его, но Гэ Цзюньдун продолжал тараторить без умолку. Он отрезал кусочек пластыря, закрепил бинт, обрезал лишнее, свернул остаток бинта в клубок и отложил в сторону.

— Всё, всё, больше не буду причинять тебе боль, только не души мою шею, серьёзно, задохнусь ведь! Братец Сяобэй!

В ушах Сун Сяобэя непрерывно звучал голос Гэ Цзюньдуна, но содержание его слов он не запоминал. Прижаться к любимому человеку, вдохнуть его запах — что может быть проще для засыпания? Сун Сяобэй перестал крепко обнимать Гэ Цзюньдуна, постепенно ослабил хватку, прильнул к нему, закрыл глаза и мало-помалу отправился в царство Морфея.

«Матушка, он что, оглох?» Гэ Цзюньдун долго звал его, чтобы тот ослабил хватку. Тот вроде отпустил, но всё ещё висёл на нём. Что это такое? Гэ Цзюньдун склонил голову, чтобы взглянуть на него. На лице с несколькими прыщиками было безмятежное выражение спящего.

«Что ещё? Уснул?» Гэ Цзюньдун вздохнул, хотел уложить его, но увидел, что на кровати разбросаны флаконы с лекарствами, ватные палочки, бинты, ножницы. Если уложить его спать здесь, сначала нужно было всё убрать.

«Ладно, сегодня тебе повезло, поспишь со мной. Я, в конце концов, тоже страшно хочу спать».

Гэ Цзюньдун поднял Сун Сяобэя, вышел из его спальни, зашёл в свою. Сун Сяобэй спал очень крепко, сколько Гэ Цзюньдун его ни тряс, он не просыпался. Конечно, видя, что он ранен, Гэ Цзюньдун не стал действовать грубо. Он двигался осторожно, переложил его на край кровати, сел на край и снял с него длинные брюки, уложил его в удобную для сна позу. Именно в этот момент Гэ Цзюньдун обнаружил, что тот уже помылся. От него исходил лёгкий фруктовый аромат — это был дешёвый гель для душа «купи один — получи второй бесплатно», который Гэ Цзюньдун приобрёл в супермаркете.

— Хе-хе... На тебе он и правда хорошо смотрится. Такой ароматный, прямо съесть хочется.

Гэ Цзюньдун потрогал его за щёку, накрыл одеялом, встал, снял с себя одежду, нашёл боксёрки, которые носил после душа. Зашёл в ванную, быстро помылся, вытерся, надел штаны, вытирая волосы, вышел из ванной, посмотрел на лежащего на кровати Сун Сяобэя.

— Такое ощущение, будто привёл мужчину домой на ночь. Ха-ха... Холодно что-то, о чём это я.

Швырнул полотенце для волос на пол, задёрнул шторы. В спальне сразу стало сумрачно.

— Хе-хе... Идёт большой серый волк.

Стащил одеяло, которым укрывался Сун Сяобэй, сел на край кровати, снял тапочки, закинул ноги под одеяло, перевернулся лицом к Сун Сяобэю. Чтобы на кровати было удобнее спать, Гэ Цзюньдун притянул к себе Сун Сяобэя, погладил его по спине.

— Только не превращайся в волка в овечьей шкуре. Я, большой серый волк, который не ест мяса, очень стеснительный.

Остановил движение рук, перестал шутить, закрыл глаза, слегка склонил голову, приблизился

к Сун Сяобэю и заснул.

Сун Сяобэй никогда не думал, что однажды окажется на одной подушке с Гэ Цзюньдуном. Проснувшись, он сначала испугался и отодвинулся, а затем, покраснев, снова приблизился к Гэ Цзюньдуну. Почему Сун Сяобэй, покраснев, приблизился к Гэ Цзюньдуну? Потому что Сун Сяобэй пытался украсть поцелуй у Гэ Цзюньдуна, пока тот спал. Какой же милый Сун Сяобэй! Впервые влюбившись в мужчину, он чувствовал то же самое, что и при первой влюблённости в девушку: боялся, что тот, кого любит, обнаружит его, но в то же время очень хотел удовлетворить своё личное желание.

Какой же милый Сун Сяобэй! Он крепко сжал одеяло, пальцы его дрожали, его лицо и лицо Гэ Цзюньдуна сближались всё больше и больше. Он вдыхал воздух, который тот выдыхал, их носы вот-вот должны были соприкоснуться. Гэ Цзюньдун повернул голову, чтобы сменить позу для отдыха, и этим движением разрушил всё мужество, с которым Сун Сяобэй собирался поцеловать Гэ Цзюньдуна.

<http://bllate.org/book/16174/1450203>